

Ю.Э. Демиденко, П. Шкрдла, Ж. Риос-Гараизар

ЭПИ-ОРИНЬЯК С САГАЙДАКСКО-МУРАЛОВСКИМИ МИКРОЛИТАМИ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЕГО ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется индустрия так называемого эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами юга Восточной Европы времени максимума похолодания последнего оледенения и ее пан-европейский статус в контексте новых данных в Центральной Европе.

Ключевые слова: поздний верхний палеолит, эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами, время максимума похолодания последнего оледенения.

ВВЕДЕНИЕ

Открытие и раскопки стоянки Могелно-Плевовце (Mohelno-Plevovce) с двумя инситными вымощенными камнем жилыми структурами А (KSA) и В (KSB) и находками «высоких скребков и специфических мелких микролитов с ближайшими аналогами в материалах Северного Причерноморья» в 2013 и 2014 гг. в Южной Моравии (Чехия) [Škrdla et al., 2014; 2016] однозначно придали значительный стимул новому изучению этой особой индустрии позднего верхнего палеолита времени максимума похолодания последнего оледенения, которая ранее была определена только на юге Восточной Европы. С 2015 г. наша команда исследователей начала совместную работу по этой тематике [Demidenko, Škrdla, Rios-Garaizar, 2016], и в настоящее время можно представить следующий синтез пан-европейских данных по этой индустрии начального этапа позднего верхнего палеолита. При этом, естественно, наиболее подробно будут приведены новейшие данные по материалам Центральной Европы.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

На данный момент археологические находки из семи стоянок юга Восточной Европы можно однозначно отнести к исследуемой индустрии максимума похолодания последнего оледенения (см. обзор данных: [Демиденко, 2004; 2007; Демиденко, Нужный, 2003—2004; Demidenko, 2008; Demidenko, Noiret, 2012]). Это, в основном, открытые и исследованные в 1950—1990-х гг. следующие стоянки (рис. 1): Мураловка, Золотовка I и Михайловская балка (северо-восточное Приазовье и бассейн Нижнего Дона в России), Сагайдак I и Анетовка I (западная часть Северного Причерноморья в Украине), Рашков VII, VIII (Приднестровье в Молдове). Последние три стоянки имеют проблемы со стратиграфией. Как показали новые раскопки 2005 г. (В.Н. Станко, Ю.Э. Демиденко и И.В. Пиструила) и 2006 г. (В.Н. Станко и Ю.Э. Демиденко), находки позднего верхнего палеолита в Анетовке I переотложены, хотя и являются индустриально гомогенными без каких-либо примесей иных индустрий верхнего палеолита и вообще каменного века. Материалы стоянок Рашков VII, VIII раскопок 1950—1980-х гг. индустриально негомогенны и представляют собой смесь находок анализируемой здесь индустрии, а также эпиграветта. Однако новые раскопки в Рашкове VIII в 2000-х гг. определенно выявили участки на площади стоянки с многослойной инситной составляющей и отдельным положением слоев эпиграветта и данной индустрии в колонке верхнечетвертичных седиментов [Коваленко, 2009]. Это открывает новые перспективы изучения стоянок Рашков в Молдове. Стоянка Михайловская балка пока только очень предваритель-

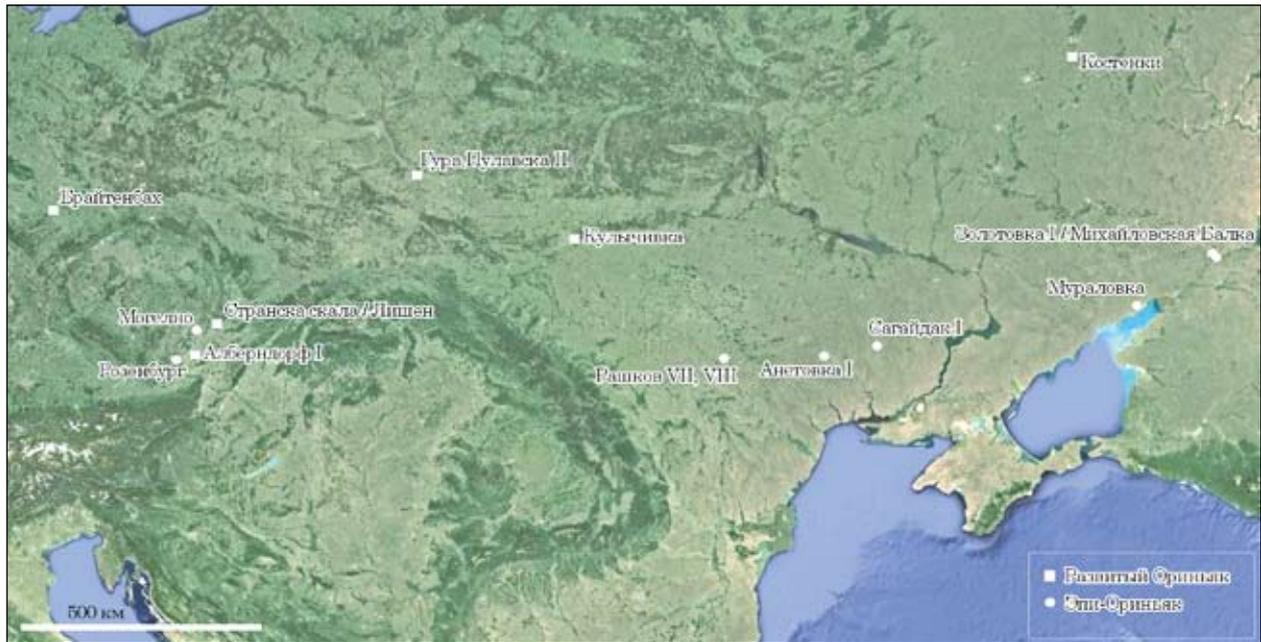

Рис. 1. Стоянки эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами и позднего / развитого ориньяка Центральной и Восточной Европы. Карта создана в Гугле планета Земля, источник Лансат, дата 14.12.2015. Вид с высоты 2257,98 км

но исследована во второй половине 1990-х гг. [Матюхин, 2002]. Соответственно, в настоящее время только оставшиеся три стоянки из перечисленных семи могут рассматриваться в качестве опорных для комплексного анализа изучаемой индустрии. При этом данные по каменным артефактам всех стоянок следует привлекать для более детального понимания как их общих технико-типологических характеристик, так и особенностей камнеобработки позднего верхнего палеолита на каждой из стоянок.

Для трех опорных стоянок по слоям именно этой индустрии позднего верхнего палеолита были получены в 1970-х и 1980-х гг. в лабораториях Ленинграда и Москвы следующие некалиброванные радиоуглеродные даты: Сагайдак I — ЛЕ-1602а: 21240 ± 200 и ЛЕ-1602: 20300 ± 200 лет назад, однако, по неизвестно точно какого рода одному и тому же образцу органического материала; Мураловка — ЛЕ-1601: 19630 ± 200 и ЛЕ-1438: 18780 ± 300 лет назад, но по неопределенного рода образцам костей животных; Золотовка I — ГИН-1938: 17400 ± 700 по образцу костного угля и ГИН-8002: 13600 ± 1000 по образцу кости бизона. Вторая из дат Золотовки I кажется слишком омоложенной по сравнению с иными приведенными датами, да и показатель стандартного отклонения в 1000 лет слишком уж велик для радиоуглеродного датирования стоянки позднего верхнего палеолита. Последнее обстоятельство также справедливо и для первой даты Золотовки I со стандартным отклонением в 700 лет. Поэтому две датировки этой стоянки должны восприниматься с осторожностью. С другой сто-

роны, приведенные четыре даты Сагайдака I и Мураловки вполне помещают стоянки рассматриваемой индустрии в рамки максимума похолодания последнего оледенения: около 21—19 некалиброванных или около 25,5—23,0 тыс. калиброванных лет назад. В 1970-х гг. была установлена уникальность данной индустрии начала позднего верхнего палеолита в контексте верхнего палеолита Восточной Европы (см.: [Праслов, 1972; Станко, Григорьева, 1977; Станко и др., 1984]).

В виде краткого резюме основные характеристики анализируемой в настоящей статье индустрии на территории юга Восточной Европы можно суммировать следующим образом. Технологически это не пластинчатая, а отщеповая индустрия с дополнительным серийным снятием чешуек и укороченных микропластин с типологически определяемых преимущественно кареноидных атипичных скребков с не-лямеллярными негативами снятий (рис. 2, 1—3) и отдельных нуклеусов для удлиненных чешуек и микропластин (рис. 2, 4—6). При этом различные нуклеусы для отщепов составляют выразительные подборки, что объясняется как необходимостью получения значительного числа массивных отщепов (от 1,0 см и большей толщины) — сколов-заготовок под кареноидные атипичные скребки, служившие, в основном, нуклеусами для удлиненных чешуек, так и просто необходимостью скалывания сколов-заготовок для изготовления «крупногабаритного», собственно орудийного инвентаря. Преимущественно отщеповый характер этой индустрии зорко подметил Н.Д. Праслов еще в начале 1970-х гг. для кремней Мураловки.

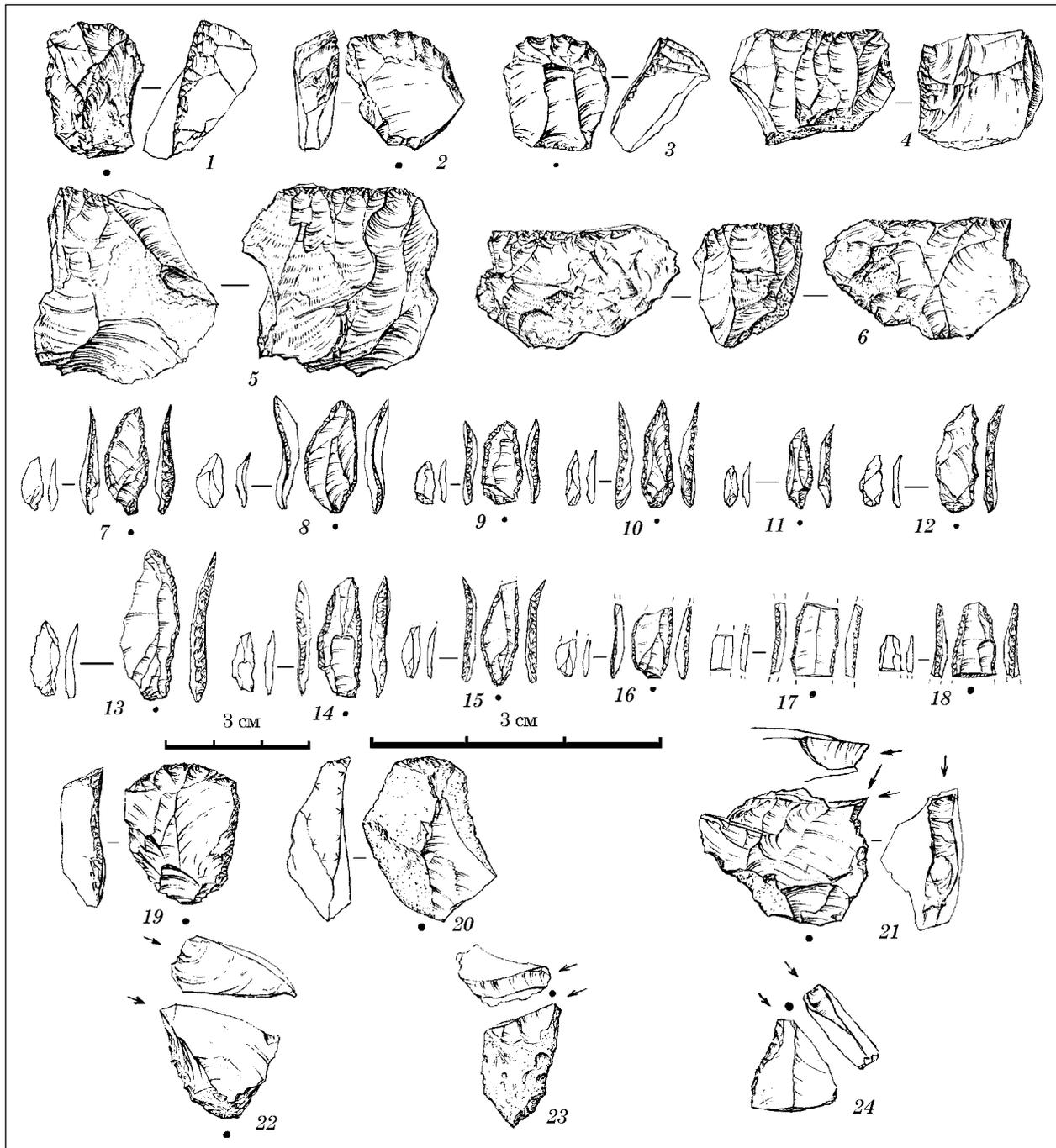

Рис. 2. Анетовка I, каменные изделия из раскопок 2005 г.: 1—3 — кареноидные атипичные скребки; 4—6 — нуклеусы для удлиненных чешуек и микропластин; 7—18 — сагайдакско-мураловские микролиты; 19, 20 — простые плоские скребки; 21 — резец срединный угловой; 22—24 — поперечные резцы на латеральной ретуши

«Правильных призматических пластин нет. Лишь несколько экземпляров можно рассматривать как призматические пластины. Но и они, как правило, производят впечатление сломанных. Лучшими заготовками по своим морфологическим данным являлись пластинчатые отщепы. Именно из них в большинстве случаев изготовлены орудия» [Праслов, 1972, с. 71]. «Микро-дебитаж» интенсивно использовался затем для производства многочисленных мелких и обычно немного изогнутых, но не

скрученных в профиль «псевдо-дюфур» / сагайдакско-мураловских микролитов с дорсальной тонкой маргинальной абразивной обработкой ретушью (рис. 2, 7—18). Так называемые «тривиальные» типы орудий верхнего палеолита, (напр., простые плоские скребки: рис. 2, 19, 20) и довольно редкие и не-многофасеточные резцы (рис. 2, 21), дополняются только одним специфическим типом орудий — поперечными резцами на латеральной ретуши (рис. 2, 22—24).

По практически единодушному мнению советских археологов, данная индустрия Северного Причерноморья определялась в качестве «ориньякоидной» с возможным также ее хронологическим переживанием вплоть до второй половины позднеледниковья (напр.: [Рогачев, Аникович, 1984]. По причинам такого абсолютно нечеткого и искусственного индустриально-хронологического статуса с дополнительной группировкой под «ориньякоидным зонтиком» совершенно разных технико-типологически и даже смешанных комплексов находок верхнего палеолита времени от 38—36 до 18—15 некалиброванных тыс. лет назад в Восточной Европе ([Аникович, 1991; 2003; 2005; Anikovich, 1992; 1999]; см. также критику такого подхода: [Демиденко, 2004; Demidenko, 2008—2009]) один из авторов настоящей статьи почти 20 лет назад предложил именовать рассматриваемую индустрию времени максимума похолодания последнего оледенения юга Восточной Европы как «эпи-ориньяк типа кремс-дюфур Северного Причерноморья» [Демиденко, 1999]. Такая индустриальная атрибуция была предложена тогда и как по ее общему сходству с индустрией также максимума похолодания последнего оледенения ориньяка V / эпи-ориньяка в Западной Европе, так и по возможной «генетической связи» с некоторыми комплексами позднего / развитого ориньяка с дорсально ретушированными микролитами. В советском палеолитоведении «генетические корни» этого эпи-ориньяка юга Восточной Европы по совету знаменитого польского специалиста Я.К. Козловского всегда усматривали в комплексе находок ориньяка стоянки Гура Пулавска II в Польше [Праслов, 1972, с. 73—74]. Количеством немногочисленной коллекции кремней из Гуры Пулавской II (см.: [Krukowski, 1939—1948; Sachse-Kozłowska, 1978]) технико-типологически характеризуется, прежде всего, кареноидными, но типичными скребками и микропластинами «псевдо-дюфур» с тонкой дорсальной ретушью. Соответственно, еще в 1970-х гг. и затем с некоторыми модификациями в 2000-х гг. (см.: [Демиденко, 2007, с. 77—78; Demidenko, 2008, р. 111; Demidenko, Noiret, 2012, р. 357]) была выдвинута следующая гипотеза об истоках и причинах появления людей анализируемого эпи-ориньяка в Северном Причерноморье. В связи с экспансией полярного фронта и экстремальных перигляциальных климатических условий во время начала максимума похолодания последнего оледенения часть людей позднего / развитого ориньяка типа кремс-дюфур в Центральной Европе и также в Восточной Европе (Костенки I, слой 3) могла мигрировать из мест проживания в районе 52° северной широты в незаселенные после 27—25 тыс. некалиброванных лет назад на большие территории юга Восточной Европы ниже 48° северной широты.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Приведенные данные по эпи-ориньяку Северного Причерноморья с кареноидными атипичными скребками и сагайдакско-мураловскими микролитами рассматривались на фоне отсутствия соответствующих стоянок эпи-ориньяка в Центральной Европе. Поэтому часть Европейского континента привлекалась ранее только в качестве возможного «центра происхождения» анализируемого эпи-ориньяка времени максимума похолодания последнего оледенения юга Восточной Европы. Эту ситуацию «отсутствия» радикально изменило недавнее открытие стоянки Могелно-Плевовце в Южной Моравии. По общим характеристикам каменных изделий находки в вымощенных камнем жилых структурах KSA и KSB данной стоянки в Центральной Европе вполне соответствуют таковым на юге Восточной Европы. Здесь также серийны кареноидные атипичные скребки — функционально, в основном, нуклеусы для удлиненных чешуек и микропластин (рис. 3, 1—5) и «псевдо-дюфур» / сагайдакско-мураловские микролиты (рис. 3, 7—24), и даже присутствуют поперечные резцы на латеральной ретуши (рис. 3, 6).

Анализ каменных изделий Могелно-Плевовце 2015 г., включая и данные по первому для этого типа эпи-ориньяка в Восточной и Центральной Европе ремонту кареноидных атипичных скребков-нуклеусов, и снятых с них сколов «микро-дебитажа», послуживших затем заготовками под микролиты (рис. 3, 25), дополнительно позволили окончательно определиться с наименованием сколов-заготовок, использовавшихся для изготовления «псевдо-дюфур» / сагайдакско-мураловских микролитов, так как по этому вопросу единого мнения советских коллег не было. Еще в начале 1970-х гг. Н.Д. Праслов по данным коллекции Мураловки полагал возможным относить все такие микролиты и их заготовки «к категории миниатюрных пластиночек с ретушированными краями», делая при этом важные уточнения о метрике микролитов (обычно длиной 0,8—1,6 и шириной 0,35—0,5 см; «незначительные отклонения от этих показателей ... касаются в основном ширины изделий») и о все же условном статусе «пластиночек» по следующим морфологическим признакам: «они очень малы, аморфны, края у них не параллельны, спинка не имеет четкого ограничения» [Праслов, 1972, с. 71]. Поэтому исследователь посчитал более целесообразным определять сколы-заготовки микролитов как «чешуйки», технологически связывая их скалывание с т.н. «скребков высокой формы», поскольку «основная масса полуфабрикатов для миниатюрных изделий получена при обработке именно таких скребков» [Праслов, 1972, с. 71, 75]. Казалось бы, после таких данных Н.Д. Праслова по Мура-

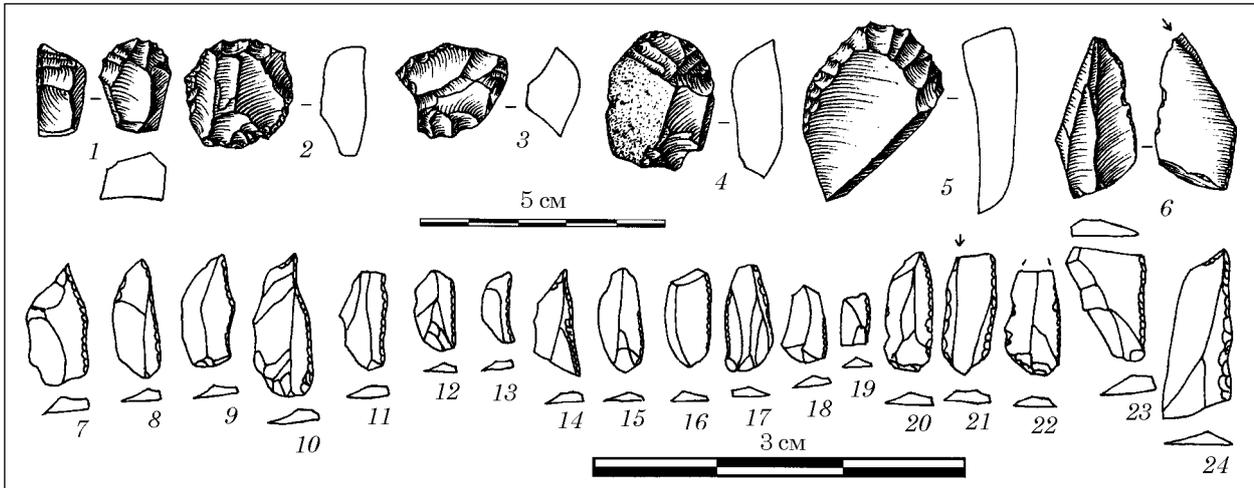

Рис. 3. Могелно-Плевовце, каменные изделия из вымощенной камнем жилой структуры KSA: 1—5 — кареноидные атипичные скребки; 6 — поперечный резец на латеральной ретуши; 7—24 — сагайдакско-мураловские микролиты; 25 — ремонтаж восьми сагайдакско-мураловских микролитов (длина 0,8—1,2 см) на широкий фронт / поверхность раскалывания двойного кареноидного атипичного скребка (модифицировано по: 1—24 — Škrdla et al., 2016; 25 — Demidenko, Škrdla, Rios-Garaizar, 2016)

ловке сколы-заготовки сагайдакско-мураловских микролитов должны впредь рассматриваться преимущественно как чешуйки, однако этого не произошло. Микролиты и связанный с ними «микро-дебитаж» стоянки Сагайдак I называли как «микропластинки» и «миниатюрные пластинки» и при этом еще отмечали, что описанные Н.Д. Прасловым в 1972 г. «мураловские микроострия изготовлены из удлиненных миниатюрных подтреугольной формы пластинок», а не из чешуек [Станко, Григорьева, 1977, с. 43, 45—47]. Более того, сам Н.Д. Праслов позднее при анализе материалов Золотовки I опять предположил, что «высокие скребки т.н. ориньякоидного типа ... чаще ... являются своеобразными нуклеусами для скалывания микропластиночек, из которых путем вторичной обработки изготавливались

мелкие острия» [Праслов, Иванова, Малясова, 1980, с. 172]. Уточняющий термин «чешуйки» он уже не употреблял для лучшего понимания так называемых «миниатюрных пластиночек / микропластиночек» для Золотовки I. Позднее, при публикации материалов Золотовки I после раскопок 1996 г. В.Е. Щелинский не посчитал нужным детально остановиться на классификации микролитов этой стоянки по причине детального описания подобных изделий для Мураловки Н.Д. Прасловым [1972]. Он отметил только следующее: «Наличие в коллекции Золотовки I миниатюрных пластиночек мураловского типа и высоких нуклеидных скребков, так же, как и в Мураловке, составляет сопряженную группу данных орудий и является характерным элементом особой археологической культуры или культурной группы» [Праслов, Щелинский, 1996, с. 64].

Разнобой терминологии в определении статуса сколов-заготовок микролитов этой индустрии эпи-ориньяка на юге Восточной Европы продолжился и далее. Единая позиция стала вырисовываться только при подразделении этих микролитов на две основные группы — микроострия и микропластинки. Первые, микроострия (изделия со сходящимися на дистальном конце ретушированными латеральными краями), стали зачастую называть сагайдакско-мураловскими микроостриями, изготовленными «на тонких изогнутых подтреугольной формы «скребковых» чешуйках» [Смолянинова, 1990, с. 89] или «на удлиненных чешуйках и близкую к ним разновидность на миниатюрных пластинках» [Кетрару, Григорьева, Кова-

ленко, 2007, с. 96]. При этом самое главное (!), что все исследователи отмечали чрезвычайную технико-типологическую близость кремневых собраний указанных стоянок России, Украины и Молдовы (см. также: [Григорьева, 1987, с. 31—32; Станко, Григорьева, Швайко, 1989, с. 91—93, 99—105; Смольянинова, 1990, с. 24, 88—91; Кетрару, Григорьева, Коваленко, 2007, с. 94—100]). Один из авторов настоящей статьи ранее стал объединять все микролиты анализируемых здесь комплексов находок «под одной шапкой», именуя их «сагайдакско-мураловскими микролитами с дорсальной маргинальной абразивной билатеральной и латеральной ретушью на чешуйках и укороченных метрических пропорций микропластинах» [Демиденко, 2007, с. 69]. Сделано это было из-за общего морфологического сходства, метрических параметров и характера ретуши и острых форм (микроострий) и просто билатерально / латерально ретушированных изделий (см., напр.: [Кетрару, Григорьева, Коваленко, 2007, рис. 60, 1—39]). Однако, проблема наименования сколов-заготовок оставалась.

Эту проблему не удалось решить и в середине 2000-х гг. после новых раскопок в 2005—2006 гг. Анетовки I, хотя Ю.Э. Демиденко ранее лично изучал микролиты Анетовки I из раскопок 1978 г., Мураловки и Золотовки I раскопок 1960—1970-х гг. в Одессе и Санкт-Петербурге. Неудача с Анетовкой I была понята в связи с однозначно случайной выборкой микролитов, когда все переотложенные кремневые находки и редкие кости животных были найдены только лишь в голоценовых отложениях и опять-таки в голоценовых кротовинах верхнечетвертичных отложений этой стоянки. Отсюда стала понятной необходимость в недавно раскопанных по современному методикам инситуальных материалах такого рода индустрии эпи-ориньяка, где культуросодержащие седименты были систематически промыты с целью обнаружения всего возможного «микро-дебитажа» и микролитов.

Именно такая возможность и появилась с раскопками П. Шкрдла в 2013—2014 и 2016 гг. стоянки Могелно-Плевовце. По результатам анализа 2015—2017 гг. каменных изделий вымощенной камнем жилой структуры KSA коллекция микролитов там насчитывает 47 экз. (рис. 3, 7—24), и они технологически связаны с редукцией пяти кареноидных атипичных скребков (рис. 3, 1—5). Целые микролиты (24 экз.) являются таковыми по средним метрическим параметрам: длина 0,85, ширина 0,41, толщина 0,10 см. Эти усредненные показатели дополнительно хорошо иллюстрируются максимальными и минимальными метрическими интервалами. По длине — это 0,6—1,2, по ширине — 0,3—0,5, по толщине все целые микролиты 0,1 см. Здесь исключена только одна укороченная чешуйка с поперечным, а не

латеральным ретушированным краем длиной 0,4, шириной 0,7 и толщиной 0,1 см. Метрически фрагментированные микролиты (22 экз.) очень близки целым образцам. Их усредненные показатели: длина — 0,64, ширина 0,40, толщина 0,10 см. По конкретным показателям следует отметить два фрагментированные по длине предмета с большей шириной и один из них толщиной 0,2 см (рис. 3, 23, 24). Все остальные 48 микролитов имеют толщину только 0,1 см. Формально (метрически) по сколам-заготовкам — это однозначно одна пластинка (>0,9 длиной, 0,7 шириной, 0,1 см толщиной) и одна микропластина (>1,3 длиной, 0,6 шириной, 0,2 см толщиной). Однако среди целых микролитов такие «пластинчатые» предметы отсутствуют. Принимая во внимание метрику абсолютного большинства микролитов, нами предлагается именовать их «удлиненными чешуйками». Все они длиной менее 1,5 см и это обычный «размерный лимит» определения чешуек для комплексов находок верхнего палеолита (см.: [Demidenko, 2012, p. 104]), а их небольшая ширина (0,3—0,5 см) придает им общий удлиненный вид. Из-за общей продолговатости / вытянутости такие микролиты на юге Восточной Европы и называли зачастую и микропластинами, и микропластиночками, и пластинками, и пластиночками. Упомянутые пластинка и микропластина из Могелно-Плевовце KSA, скорее всего, и были отобраны для изготовления микролитов уже во фрагментированном по длине виде и поэтому они соответствовали приведенным «идеальным метрическим стандартам». Если это действительно так, то тогда в целом все сколы-заготовки сагайдакско-мураловских микролитов анализируемого типа эпи-ориньяка должны именоваться удлиненными чешуйками. Опубликованные данные по микролитам этого типа юга Восточной Европы вполне согласуются с такой трактовкой по сколам-заготовкам. Ведь действительно численно редкие более удлиненные и широкие сколы, попадающие под дефиниции пластинок и микропластин [Demidenko, 2012, p. 96], преимущественно фрагментированы по длине и, возможно, также отбирались для ретуширования уже в таком укороченном по длине виде, не отличаясь поэтому по метрике от удлиненных чешуек.

С точки зрения хронологии, есть все основания говорить не только об общей корреляции Могелно-Плевовце со временем максимума похолодания последнего оледенения, что предполагается для эпи-ориньякских памятников с сагайдакско-мураловскими микролитами, но и о практическом совпадении некалиброванных радиоуглеродных дат Могелно-Плевовце (Poz-76196: 19100 ± 110 лет назад для KSB и Poz-76195: 18970 ± 110 лет назад для KSA) с некалиброванными датами по Мураловке — JE-1601: 19630 ± 200 лет назад и JE-1438: 18780 ±

300 лет назад. Две указанные даты Могелно-Плевовце получены Т. Госларом в радиоуглеродной лаборатории университета г. Познань по образцам древесного угля в ноябре 2015 г. Они статистически одинаковы (около 23 тыс. калиброванных лет назад) и демонстрируют геохронологическую одновременность вымощенных камнем жилых структур KSA и KSB в Могелно-Плевовце. Годом ранее, однако, в той же лаборатории Т. Гослар получил для вымощенной камнем жилой структуры KSA еще одну, но много моложе некалиброванную дату по образцу древесного угля — Poz-57891: 16280 ± 80 BP лет назад. Именно эту первую дату для Могелно-Плевовце первоначально использовал один из авторов настоящей статьи для обоснования хронологической позиции данной жилой структуры на стоянке, а также гипотезы о возможном появлении людей этой индустрии верхнего палеолита в Центральной Европе в результате миграции из Северного Причерноморья «в период сразу после максимума похолодания последнего оледенения» [Škrdla et al., 2014; 2016]. Образцы древесного угля двух дат вымощенной камнем жилой структуры KSA происходят из одной и той же линзы древесного угля. Учитывая статистическую идентичность двух некалиброванных дат около 19 тыс. лет назад и калиброванных дат около 23 тыс. лет назад по образцам древесного угля из жилых структур KSA и KSB, представляется логичным рассматривать как достоверные именно их и одновременно предполагать омоложенность первой даты жилой структуры KSA вследствие необычности расположения и раскопок жилых структур стоянки Могелно-Плевовце, когда образцы древесного угля могли быть «загрязнены» фрагментами корней растений и другими органическими примесями. Возвращаясь к абсолютным датам эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами юга Восточной Европы, именно факторы «загрязненности» образцов, но иного рода, могли также сыграть «омолаживающую роль» при получении дат в около 17 и 13 тыс. лет назад для стоянки Золотовка I.

Топография, структура и процесс исследований стоянки Могелно-Плевовце составили еще один важный аспект новизны и значимости и этой стоянки, и некоторого понимания общих процессов жизнедеятельности людей — носителей этого типа эпи-ориньяка во время максимума похолодания последнего оледенения в Центральной и Восточной Европе. Прежде всего, данная стоянка позднего верхнего палеолита была открыта в 2012 г. на пляже искусственного водохранилища Могелно (среднее течение р. Иглавы Чешско-Моравского нагорья в Южной Моравии), являющегося частью сложной системы гидро- и атомной электростанций Далешнице и Дукованы. С 1978 г. стоянка собственно находится под водой, но при

периодическом понижении и поднятии уровня воды в водохранилище происходит постоянная эрозия седиментов стоянки и, соответственно, вымывание на поверхность временного пляжа ее находок. С 2012 г. здесь обнаружены и / или раскопаны во время кратких сбросов воды в водохранилище и появлении кратковременного пляжа находки энеолита, неолита, эпигравета позднеледниковья, а также рассматриваемые здесь жилые структуры KSA и KSB. Исследования показали, что во время поселения здесь людей эпи-ориньяка стоянка располагалась близ дна глубоко врезанной долины р. Иглава на площадке высотой 15—20 м. Более того, крутые каменные склоны долины речки защищали стоянку с северо-востока, севера и запада, и она в форме природного полу-амфитеатра была открыта только к югу. Соответственно, такая топография стоянки представляла своего рода «микrokлиматический оазис» для людей эпи-ориньяка в период максимума похолодания последнего оледенения и поэтому понятно, почему они здесь периодически поселялись. Ранее при исследовании такого рода стоянок эпи-ориньяка на юге Восточной Европы не придавали обычно особенного значения вопросам топографии этих стоянок (см. однако: [Станко, Григорьева, Швайко, 1989, с. 87—93]). Теперь же, в связи с геоморфологической ситуацией Могелно-Плевовце, становится все более и более ясно, что часть данных стоянок и в Центральной, и в Восточной Европе расположено на низких речных террасах, в топографически скрытых местах, естественным образом защищавших людей от холодных ветров максимума похолодания последнего оледенения. При этом уже более 20 лет назад подобное расположение на низких высотах в «укромных долинах» небольших рек «территориального типа B2» отметил И. Свобода для стоянок эпигравета Моравии [Svoboda, 1995].

Анализ каменных артефактов эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами Могелно-Плевовце не только показал наличие этой индустрии начала позднего верхнего палеолита в Центральной Европе, но обусловил и поиск нами в 2015 г. по опубликованным данным каких-либо еще возможных стоянок в этой части европейского континента с подобными каменными изделиями. Поиск этот был результативным и привел к определению еще одной такой стоянки эпи-ориньяка всего лишь в примерно 50 км к юго-западу от Могелно-Плевовце. Это стоянка Розенбург (Rosenburg) в Нижней Австрии. Слой позднего верхнего палеолита в Розенбурге был открыт и частично раскопан на площади в 32 м² Г. Трнка (Вена) в 1988 г. в ходе исследований крупного раннего неолитического поселения. Верхнепалеолитический материал — 1264 каменных артефакта — Г. Трнка передал студентке А. Отт для написания магистерской работы. Она осуществ-

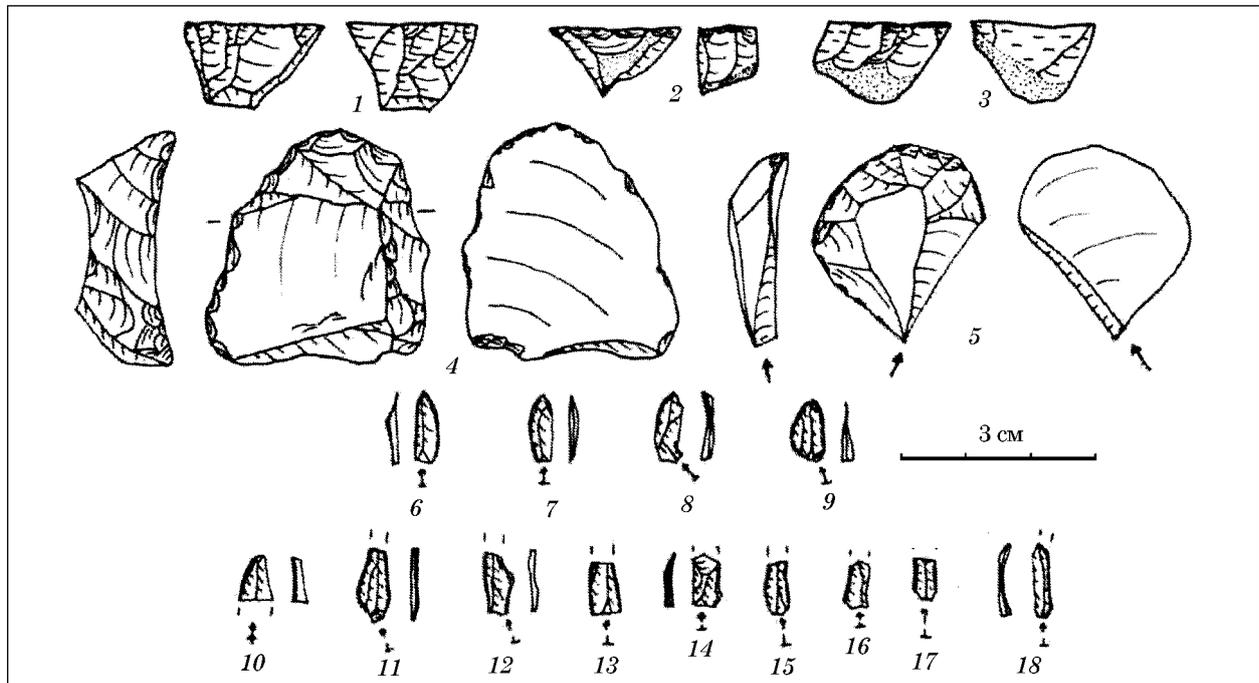

Рис. 4. Розенбург, каменные изделия: 1—3 — нуклеусы для удлиненных чешуек и микропластин; 4 — кареноидный атипичный скребок; 5 — кареноидный атипичный скребок + угловой резец; 6—18 — сагайдакско-мураловские микролиты (модифицировано по: Ott, 1996)

вила это исследование в Тюбингене (Германия) под руководством Й. Хана и опубликовала свою магистерскую работу в полном объеме в виде статьи [Ott, 1996].

А. Отт интерпретировала каменные артефакты Розенбурга как эпиграветтские и сравнивала их с иными стоянками эпиграветта Центральной Европы. Но ознакомление с ее публикацией показало значительно большее сходство каменных изделий из Розенбурга с артефактами эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами, чем с какими-либо эпиграветтскими изделиями. В результате нашей переписки с Г. Трнка два автора этой статьи (Ю.Э. Демиденко и П. Шкрдла) вместе с ним посетили стоянку Розенбург в августе 2015 г., а затем все авторы несколько дней изучали ее материалы.

Краткие и общие, предварительные результаты нашего изучения материалов стоянки Розенбург следующие. Прежде всего, индустриально, каменные изделия из Розенбурга — это, безусловно, разыскиваемый нами эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами и однозначно вторая такая стоянка в Центральной Европе после Могелно-Плевовце. Единственное отличие Розенбург от Могелно-Плевовце по коллекции каменных изделий Розенбург это более интенсивное первичное (именно нуклеусное) расщепление камня на месте стоянки. Детальный анализ «микро-дебитажа» позволил добавить нам еще девять изделий в коллекцию ранее выделенных 18 сагайдакско-мураловских микролитов. Определение в 2015 г. ранее не выявленных в коллекции Розенбург микро-

литов объясняется следующими очевидными факторами. Прежде всего, это тщательность раскопок Г. Трнка слоя позднего верхнего палеолита стоянки, когда все культуросодержащие седименты были просеяны, а значительная часть их была еще дополнительно промыта в р. Камп, поэтому «микро-дебитаж» хорошо представлен среди каменных изделий здесь. Присутствие очень тонкой дорсальной маргинальной абразивной обработки ретуши также, конечно, не ожидали в эпиграветтских материалах, как тогда рассматривались находки из Розенбург, да еще и на мелких чешуйках, пусть и удлиненных метрических пропорций. 27 микролитов (рис. 4, 6—18) на удлиненных чешуйках (0,7—1,2 длиной, 0,3—0,5 шириной, 0,1—0,2 см толщиной) технологически связаны суммарно с менее чем десятью микро-нуклеусами (рис. 4, 1—3) и скребками (рис. 4, 5, 6), которые имеют негативы снятий удлиненных чешуек. Какие-либо эпиграветтского типа изделия с выраженным притупленным ретушью краем в Розенбурге отсутствуют, равно как и нуклеусы для систематического нуклеусного первичного производства пластинок и микропластин.

Для Розенбурга получена одна C14 дата по образцу обожженной кости животного в лаборатории г. Лювен (Бельгия) — 20120 ± 480 (Lv-1756D) некалиброванных лет назад [Ott, 1996, p. 88, 95] или около 25—24 тыс. калиброванных лет назад. Наконец, стоянка Розенбург примечательна топографической позицией. Стоянка находится на низком лессовом плато близ р. Камп. Действительно, стратиграфичес-

кая позиция слоя позднего верхнего палеолита ниже слоя неолита на низком уровне у реки удивительным образом полностью соответствует обычному для археологии каменного века топографическому положению стоянок неолита. Более того, стоянка находится на изгибе поворота реки в узкой ее долине с высокими бортами террас, что, как и в Могелно-Плевовце, но несколько по-другому, создает эффект топографической и микроклиматической скрытности стоянки от природных неурядиц времени максимума похолодания последнего оледенения.

Итак, по результатам наших исследований 2015 г. можно констатировать не отсутствие, как раньше считали, а наличие двух стоянок в Центральной Европе с каменными изделиями, индустриально уверенно коррелирующихся с эпи-ориньяком с сагайдакско-мураловскими микролитами юга Восточной Европы (рис. 1). Абсолютные датировки Розенбурга и Могелно-Плевовце в около 21—19 тыс. некалиброванных лет назад или около 25—23 тыс. калиброванных лет назад также соответствуют вышеприведенным $C14$ датам Сагайдака I и Мураловки. Таким образом, в настоящее время база археологических данных этой оригинальной индустрии начала позднего верхнего палеолита вышла за пределы Восточной Европы, так как известна и в Центральной Европе. Более того, топографическое расположение стоянок индустрии на низких уровнях у рек, как в неолите, объясняет также редкость таких стоянок в Центральной Европе. С одной стороны, археологи палеолита могут не включать такие низкие террасы / плато в планы поиска новых стоянок палеолита, с другой, меандрирование рек за последние 20 тыс. лет зачастую должно было приводить к значительной эрозии низких речных террас / плато и, соответственно, естественному уничтожению эпи-ориньякских стоянок. Наконец, расположение стоянок эпи-ориньяка на низких террасах / плато «неолита» могло приводить и к естественному смешению находок позднего верхнего палеолита с более многочисленными артефактами неолита, поэтому может не отмечаться специалистами неолита. Акцент на более, чем вероятном существовании и иных стоянок эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами в Центральной Европе базируется на наличии в коллекциях Розенбурга и Могелно-Плевовце нескольких видов аллохтонного каменного сырья и, в частности, кремня с месторождений Южной Польши и радиоляритов долины Дуная в Австрии и Северо-Западной Венгрии. Соответственно, приведенные две стоянки в Чехии и Австрии демонстрируют лишь небольшой спектр поселенческой структуры стоянок данной индустрии эпи-ориньяка в этой части Европы.

В 2015 г. мы осуществили еще один поиск верхнепалеолитических, но уже памятников

ориньяка в узком смысле в Центральной и Восточной Европе, индустриально близких ориньяку Гуры Пулавской II. По результатам анализа как публикаций, так и, в основном, по данным личного изучения каменных собраний различных стоянок в настоящее время можно говорить о целой серии стоянок позднего / развитого ориньяка открытого типа в этих частях европейского континента. Индустриально они, прежде всего, характеризуются технико-типологической связкой серийных кареноидных типичных (с лямеллярными негативами снятий) скребков, тогда как кареноидные резцы или вообще отсутствуют или представлены единичными атипичными образцами, а также наличием микролитов «псевдо-дюфур» на микропластинах с латеральной и / или билатеральной дорсальной тонкой маргинальной абразивной обработки ретушью. Микролиты в отдельных комплексах могут отсутствовать вследствие старых методов раскопок только лопатами и ножами, без просеивания и, тем более, промывки культуросодержащих седиментов. Ретушь на микропластинах практически не отличимая от таковой на удлинённых чешуйках сагайдакско-мураловских микролитов эпи-ориньяка, отчего иногда и происходило смешение комплексов этих типов ориньяка и эпи-ориньяка в их восприятии коллегами (см., напр.: [Steguweit, 2010]). В Центральной Европе — это, кроме Гуры Пулавской II в Юго-Восточной Польше, целый комплекс стоянок в районе первичных и вторичных месторождений шерта в Странска скала и Лишен в Южной Моравии, Чехия (*Странска скала / Stránská skála*: Па слой 4 / Па layer 4, Па слой 3 / Па layer 3, II, IIIa, IIIb; Лишен-Чtvrте / Lišeň-Čtvrť; Лишен — Над выгоном / Lišeň — Nad výhonem); Алберндорф I (Alberndorf I) в Нижней Австрии, Брайтенбах (Breitenbach) в Восточной Германии [Svoboda, 1991; 2003; Škrdla et al., 2010; 2011; Trnka, 2005; Steguweit, 2007—2008; 2010; Richter, 1987; Moreau, 2012]. В Восточной Европе — это Костенки 14, так называемый слой в вулканическом пепле и Костенки 1, слой III в центре европейской части России; Кульчивка, слой III раскопок 1983 г. и слой II раскопок 1982 г. в Западной Украине [Ситник та ін., 2012; Ситник, Коропецький, 2012; 2014; Zwyns, Demidenko, in preparation] (рис. 1). Кроме обозначенных выше кареноидных скребков и дорсально ретушированных микролитов на микропластинах, в этих комплексах находок позднего / развитого ориньяка присутствуют и достаточно серийные ретушированные пластины с крупной латеральной и / или билатеральной чешуйчатой дорсальной ретушью, в том числе, экземпляры с вогнутыми ретушированными латеральными краями. Такие ретушированные пластины зачастую напоминают пластины с ретушью ориньяка I / раннего ориньяка Западной и Центральной Европы. Однако, орудийные наборы

анализируемого позднего / развитого ориньяка не имеют в своем составе скребков на такого рода ретушированных пластинах, которые хорошо представлены в ориньяке I / раннем ориньяке. Таким образом, в настоящее время корректно говорить о достаточной индустриальной гомогенности целого ряда комплексов находок позднего / развитого ориньяка в Центральной и Восточной Европе с близкими абсолютными датировками времени не позднее 30—28 тыс. некалиброванных лет назад. Эти данные позволяют нам выделить новый тип индустрии позднего / развитого ориньяка в Центральной и Восточной Европе, который, как кажется, отсутствует в Западной Европе [Demidenko, Škrdla, Rios-Garaizar, 2016].

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Анализируемый в настоящей статье эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами Восточной, а теперь и Центральной Европы изначально по общим индустриально-хронологическим параметрам уже сравнивался с бывшим ориньяком V Западной Европы [Демиденко, 2003; 2004]. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении хорошо опубликованных в последнее время новых и / или заново переосмысленных давно известных стоянок и археологических данных по этой индустрии того же времени максимума похолодания последнего оледенения на юго-западе Европы, во Франции — Ложери-От (Laugerie-Haute) и Кассерол

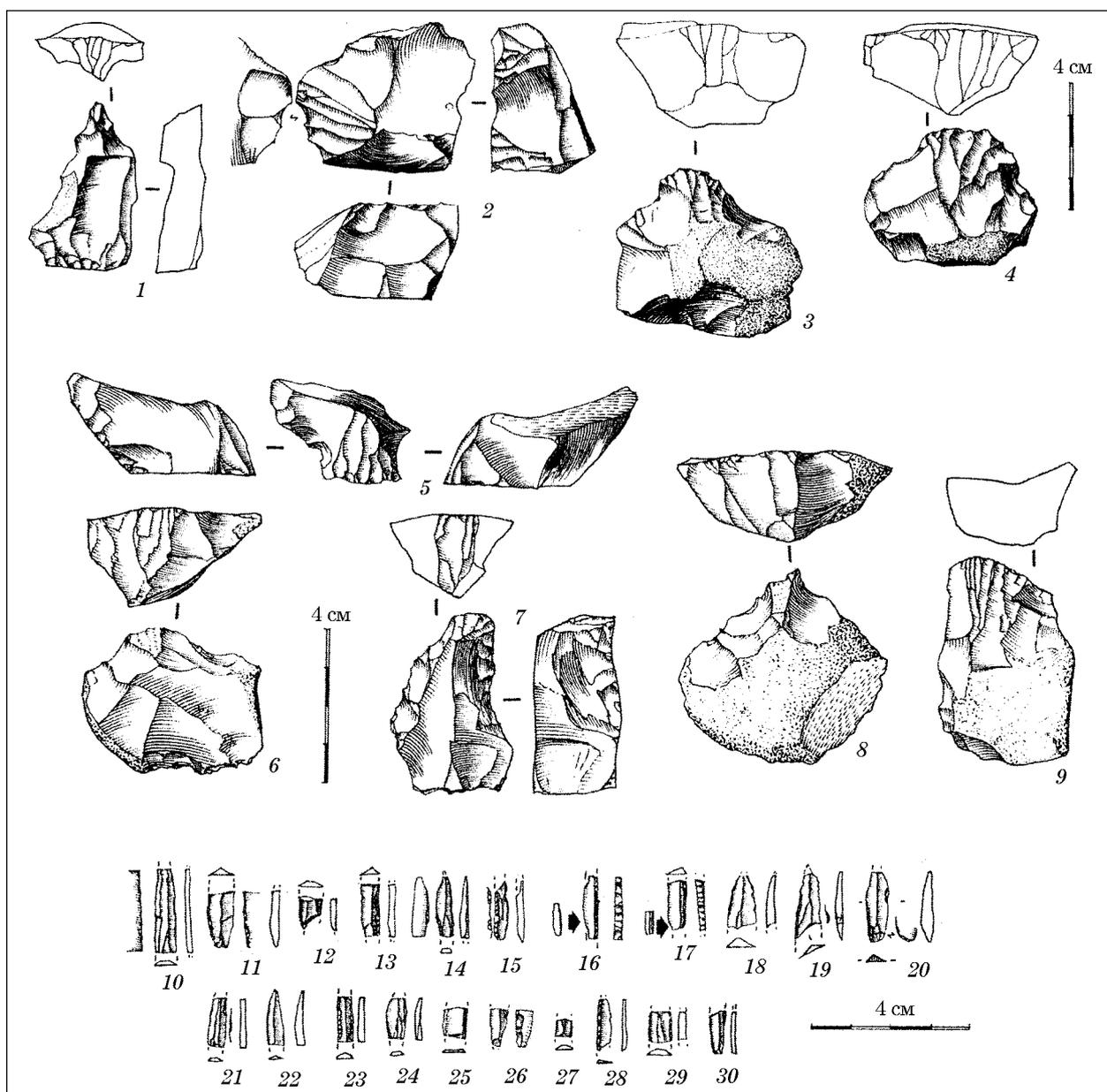

Рис. 5. Кассерол, слой 10, каменные изделия: 1—9 — высокие скребки-нуклеусы «с носиком»; 10—30 — микролиты с тонкой маргинальной абразивной обработкой ретушью и иногда с притупленным ретушью краем (модифицировано по: Aubry, Detrain, Kervazo, 1995)

(Casserole) и Португалии, например, Лапа до Анекриал (Lapa do Anecrial), Гато Прето (Gato Preto), Абриго до Лагар Вело (Abrigo do Lagar Velho), Абриго до Алекрим (Abrigo do Alecrim), Кабеко де Порто Марино (Cabeco de Porto Marinho), нельзя сказать, что они так уж похожи на представленные материалы Восточной и Центральной Европы. На самом деле, ориньяк V Западной Европы демонстрирует отчетливый ряд хронологических и технико-типологических отличий. Стоянки и комплексы находок этой индустрии сейчас хорошо опубликованы, их вполне можно кратко суммировать следующим образом.

Геохронологически стоянки бывшего ориньяка V уверенно датируются именно началом максимума похолодания последнего оледенения, временем около 22—21 тыс. некалиброванных лет назад. Технологически их комплексы каменных изделий характеризуются как интенсивным первичным расщеплением нуклеусов для пластин и для пластинок в широком смысле, так и систематическим использованием также в качестве нуклеусов кареноидных скребков (обычно типичные изделия численно значительно превалируют над атипичными) и высоких скребков с «носиком» для снятия пластинок, микропластин и удлиненных чешуек (рис. 5, 1—9). Типологически «микро-дебитаж» с нуклеусов и «скребков-нуклеусов» использовался для изготовления латерально / билатерально дорсально ретушированных микролитов с тонкой маргинальной абразивной обработкой ретушью и иногда с притупленным ретушью краем (рис. 5, 10—30). Исследования последних 20 лет, как кажется, достаточно убедительно свидетельствуют, что т.н. бывший ориньяк V является не самостоятельной «индустриальной единицей», а переходной индустрией между комплексами позднего гравета и нижнего солютре и поэтому теперь называется не ориньяк V, а прото-солютре или терминальный граветт (см. обзор данных: [Aubry, Detrain, Kervazo, 1995; Almeida, 2000; 2006]).

Таким образом, бывший ориньяк V Западной Европы по времени немного предшествует эпи-ориньяку с сагайдакско-мураловскими микролитами Восточной и Центральной Европы, а по «индустриальному спектру» отличается намного большей ролью как нуклеусов для пластин и для пластинок, так и высоких скребков-нуклеусов «с носиком» при т.н. первичном и вторичном расщеплении камня.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Представленный пан-европейский обзор комплексов находок начального этапа позднего верхнего палеолита времени максимума похолодания последнего оледенения с карено-

идными атипичными скребками-нуклеусами и не-скрученными в профиле микролитами (в основном, на удлиненных чешуйках) с тонкой маргинальной абразивной обработкой дорсальной ретушью (т.н. сагайдакско-мураловскими микролитами Восточной и Центральной Европы), а также ряда хронологически более ранних комплексов находок позднего / развитого ориньяка, характеризующихся технико-типологической связкой также кареноидных, но, в основном, типичных скребков-нуклеусов и микролитов на микропластинах также с тонкой маргинальной абразивной дорсальной ретушью, позволяют нам предложить следующие соображения.

1. Комплексы находок девяти стоянок этого времени в Восточной и Центральной Европе (рис. 1) действительно составляют одну и ту же неграветтскую / неэпиграветтскую индустрию начала позднего верхнего палеолита. С точки зрения археологических характеристик, эта индустрия представляет гомогенный набор технико-типологических черт, который наиболее четко выражен в комбинации типологически определяемых кареноидных атипичных скребков, технологически служивших нуклеусами для получения серийных удлиненных чешуек, и сагайдакско-мураловских микролитов на этих удлиненных чешуйках вторично модифицированных дорсальной тонкой маргинальной абразивной обработкой ретушью. При этом только еще один тип орудий может считаться специфическим для инструментария этой индустрии — поперечные резцы на латеральной ретуши. По датам двух стоянок Восточной Европы (Сагайдак I, Мураловка) и двух стоянок Центральной Европы (Розенбург, Могелно-Плевовце), эта индустрия датируется не всем периодом максимума похолодания последнего оледенения, а примерно его серединой — около 21—19 тыс. некалиброванных или около 25,5—23 тыс. калиброванных лет назад. Такие индустриально-хронологические показатели данной индустрии только с двумя и притом «атипичными» ориньякскими характеристиками каменных изделий и ее хронологическим разрывом в 7—9 тыс. лет с последними собственно ориньякскими индустриями времени 30—28 тыс. некалиброванных лет назад и позволили еще почти 20 лет назад одному из нас предложить наименование этой индустрии максимума похолодания последнего оледенения как эпи-ориньяк типа кремс-дюфур Северного Причерноморья [Демиденко, 1999].

2. В настоящее время сравнение статистически аналогичных дат C14 стоянок и Восточной, и Центральной Европы не позволяет нам однозначно предположить направление миграций людей рассматриваемой индустрии в указанное время из одной в другую часть европейского континента. Поэтому пока предлагаем рассматривать присутствие стоянок эпи-ориньяка

с сагайдакско-мураловскими микролитами в этих частях Европы как результат неоднократного двустороннего, обоюдного и попеременного направления миграций групп людей из Центральной в Восточную Европу и в обратном направлении. При этом Сагайдак I и Розенбург могут представлять первые такие миграции, а Мураловка и Могелно-Плевовце — несколько более поздние интеррегиональные передвижения этих групп людей.

3. При практически идентичных как основных технико-типологических характеристик каменных изделий, так и датировок культурных слоев стоянок в Восточной и Центральной Европе, нет ясности относительно происхождения этой специфической индустрии первой половины максимума похолодания последнего оледенения. Ранее предложенная и разрабатываемая в течение четырех десятилетий гипотеза о возможной «генетической» связи данной индустрии эпи-ориньяка с поздним / развитым ориньяком типа Гура Пулавская II должна быть отвергнута. Это «негативное решение» связано с датировками стоянок этого, выделяемого нами, нового типа индустрии ориньяка в Центральной и Восточной Европе, что никак не моложе 30—28 тыс. некалиброванных лет назад. Для эпохи верхнего палеолита это слишком большой хронологический разрыв с эпи-ориньяком в не менее 7—9 тыс. лет или, в археологических терминах, в почти весь период бытования комплексов граветта, разделявших ориньяк в узком смысле и эпи-ориньяк в этих частях Европы. Какие-либо иные «генетические возможности» для локального происхождения анализируемой индустрии эпи-ориньяка отсутствуют по известному на сегодня индустриальному контексту времени максимума похолодания последнего оледенения в Восточной и / или Центральной Европе. Отсюда правомерной является постановка вопроса о «внешних импульсах» возможного происхождения и необходимость уделить более пристальное внимание бывшему ориньяку V Западной Европы.

Действительно, комплексы этого бывшего ориньяка V / терминального граветта / прото-солютре имеют хронологически несколько более ранние даты и поэтому могут рассматриваться в контексте возможных миграционных процессов в Европе во время начала максимума похолодания последнего оледенения. Мы, однако, не склонны спешить с выдвиганием такой возможной пан-европейской миграционной гипотезы. Во-первых, между территориями региона Аквитании Франции с навесами Ложери-Отт и Кассерол юго-западной Европы и Богемским горным массивом Центральной Европы со стоянками открытого типа Розенбург и Могелно-Плевовце нет ни одной стоянки бывшего ориньяка V и / или эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами. И это для

расстояния по прямой линии не менее, чем в 1200 км. Во-вторых, анализируемая индустрия эпи-ориньяка Центральной и Восточной Европы не является даже гипотетически какой-либо «переходной индустрией», где комплексы максимума похолодания последнего оледенения с традициями двусторонней обработки орудий типа солютре Западной Европы отсутствуют. В-третьих, одна лишь серийность высоких скребков «с носиком» на Западе Европы и их отсутствие или немногочисленность при доминировании кареноидных атипичных скребков в Центре и на Востоке Европы демонстрируют достаточные различия в технологии производства пластинок / микропластин и удлиненных чешуек в бывшем ориньяке V и эпи-ориньяке и, соответственно, определенные технико-типологические различия двух индустрий. Поэтому проложить подобного типа «миграционную стрелу» через карту всей Европы с Запада на Восток было бы более чем преждевременным шагом. Вместе с тем такая миграционная гипотеза все еще возможна для рассмотрения, но она требует большего обоснования и объяснения перечисленных «проблемных аспектов» возможных миграций.

С другой стороны, здесь возможен и такой не прямой миграционный вариант объяснения появления в Центральной и Восточной Европе эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами как «транскультурная диффузия» / «побуждающая диффузия» («trans-cultural diffusion / stimulus diffusion») (см.: [Kroeber, 1940] для общего понимания термина, а также [Tostevin, 2000; 2012; Nigst, 2012] для изучения инноваций камнеобработки в начальном и раннем верхнем палеолите Центральной Европы). При таком варианте одни группы людей позднего верхнего палеолита могли бы получать / заимствовать типы орудий и даже технологии их изготовления от других групп (бывший ориньяк V юго-западной Европы), но используя / развивая их несколько иным образом (эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами Центральной и Восточной Европы). С этим объяснением, однако, также есть проблема. Ведь тогда непонятно, с каким в таком случае типом индустрии начальной поры позднего верхнего палеолита должна быть ассоциирована возможная «первоначально получающая / заимствующая» с Запада элементы камнеобработки группа людей в Центральной Европе, затем трансформировавшаяся в искомый эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами.

Таким образом, проблема генезиса анализируемой индустрии эпи-ориньяка Центральной и Восточной Европы требует и пан-европейского подхода, и некоторых нестандартных методов ее решения.

4. Наконец, пример рассматриваемого в настоящей статье эпи-ориньяка с сагайдак-

ско-мураловскими микролитами ставит на повестку дня также вопрос значительного индустриального разнообразия комплексов находок и в Центральной (не только эпиграветт и мадлен!), и Восточной Европе (не только эпиграветт!) времени позднего верхнего палеолита. Здесь не следует также забывать и о т.н. «исторических судьбах» данной специфической индустрии эпи-ориньяка. В этом аспекте нам представляется продуктивным разрабатывать вопросы возникновения индустрии бадегулиана / мадлена 0 Западной Европы в Центральной Европе при возможной особой здесь роли эпи-ориньяка.

Итак, в настоящее время накоплен большой массив данных по эпи-ориньяку с сагайдакско-мураловскими микролитами не только Восточной, но и Центральной Европы. Информация по бывшему ориньяку V Западной Европы привлекается для пан-европейского понимания этой специфической индустрии начальной поры позднего верхнего палеолита времени максимума похолодания последнего оледенения. Однако, как это не покажется странным, перечень стоящих на повестке дне вопросов не только не становится короче, но и еще больше расширяется, требуя все более углубленного и комплексного анализа с дополнительным привлечением индустриально и хронологически ассоциированных иных индустрий и комплексов находок в Европе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы искренне признательны Л.В. Кулаковской за приглашение подать статью для настоящего сборника. Мы также очень благодарны Г. Тринка (Университет г. Вена, Австрия) за всестороннюю помощь в понимании как стоянки Розенбург, так и ее материалов. Настоящая статья написана в рамках договора о сотрудничестве по научно-исследовательскому проекту «Исследования проблематики от начального верхнего палеолита до начала позднего верхнего палеолита в Центральной и Восточной Европе» 2015—2020 гг. Института археологии НАН Украины (г. Киев, исполнитель Ю.Э. Демиденко) и Института археологии АН Чешской Республики (г. Брно, исполнитель П. Шкрдла).

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. — СПб, 1991. — 40 с.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 2 (14). — С. 15—29.

Аникович М.В. Становление верхнего палеолита Евразии: единство или многообразие путей? // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск, 2005. — С. 9—14.

Григорьева Г.В. Некоторые микролитические орудия из поздне-палеолитической стоянки Анетовка II // КСИА. — 1987. — Вып. 189. — С. 27—32.

Демиденко Ю.Э. Ориньяк типа кремс-дюфур Сюре-ни-И (Крым): его варибельность и место в ориньяке Европы // Тез. докл. конф. «Локальные различия в каменном веке», посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. — СПб, 1999. — С. 113—115.

Демиденко Ю.Э. Ориньяк Западной и Центральной Европы: систематизация данных и парадигмы интерпретаций // КДУ (до 130-річчя відкриття Гінцівської стоянки). — 2003. — Вып. 4. — С. 150—175.

Демиденко Ю.Э. Восточная Европа в контексте проблематики ориньяка Европы: прошлые подходы и новые перспективы // АА. — 2004. — № 16. — С. 161—194.

Демиденко Ю.Э. Северное Причерноморье в европейском контексте проблематики раннего и среднего периодов верхнего палеолита // Человек в истории и культуре: Сб. науч. работ в честь 70-летия В.Н. Станко. — Одесса; Терновка, 2007. — С. 52—79.

Демиденко Ю.Э., Нужный Д.Ю. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины» // Stratum plus. — 2003—2004. — № 1. — С. 507—523.

Кетрару Н.А., Григорьева Г.В., Коваленко С.И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. — Кишинев, 2007. — 185 с.

Коваленко С.И. О многослойности верхнепалеолитической стоянки Рашков 8 // С.Н. Бибикив и первобытная археология. — СПб, 2009. — С. 143—147.

Матюхин А.Е. Михайловская Балка — новый палеолитический памятник в устье Северского Донца (предварительное сообщение) // Археологические вести. — 2002. — № 9. — С. 34—40.

Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // КСИА. — 1972. — Вып. 131. — С. 70—77.

Праслов Н.Д., Иванова М.А., Малясова Е.С. Золотовка I — поселение охотников на зубров на Нижнем Дону // БКИЧП. — 1980. — № 50. — С. 168—175.

Праслов Н.Д., Щелинский В.Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. — СПб, 1996. — 72 с. (Археологические Изыскания — Вып. 38).

Розачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 162—271.

Ситник О., Богуцький А., Коропецький Р. та ін. Нові датування палеолітичних шарів Куличівки // МДАПВ. — 2012. — Вып. 16. — С. 76—103.

Ситник О., Коропецький Р. Куличівка: культурний шар III // МДАПВ. — 2012. — Вып. 16. — С. 367—430.

Ситник О., Коропецький Р. Пізньопалеолітична стоянка Куличівка: культурний шар II // МДАПВ. — 2014. — Вып. 18. — С. 33—77.

Смолянинова С.П. Палеолит и мезолит Степного Побужья. — К., 1990. — 105 с.

Станко В.Н., Григорьева Г.В. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле // Древности Понгуля. — К., 1977. — С. 37—51.

Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Вопросы культурно-исторической периодизации позднего палеолита Северного Причерноморья. — К., 1989. — 137 с.

Станко В.Н., Смолянинова С.П., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка I //

- Северное Причерноморье (материалы по археологии). — К., 1984. — С. 4—14.
- Almeida F.* The Terminal Gravettian of Portuguese Estremadura: technological variability of the lithic industries: Ph. D. Thesis. — Dallas, 2000. — 462 p.
- Almeida F.* Looking for names and missing the point. The case of the Portuguese «Aurignacian V» in the framework of definitions of the Aurignacian // Towards a definition of the Aurignacian. — Lisboa, 2006. — P. 71—92 (Trabalhos de Arqueologia. — T. 45).
- Anikovitch M.* Early Upper Paleolithic industries of Eastern Europe // Journal of World Prehistory. — 1992. — Vol. 6, n 2. — P. 205—245.
- Anikovitch M.V.* The formation of Upper Paleolithic cultures and Anatomically Modern Humans: the East European Perspective // Anthropologie. — 1999. — Vol. 37, n 2. — P. 115—123.
- Aubry Th., Detrain L., Kervazo B.* Les niveaux intermediaires entre le Gravettien et le Solutreen de l'Abri Casserole (Les Eyzies de Tayak): Mise en evidence d'un mode de production original de microlithes. Implications // BSPF. — 1995. — T. 92 (3). — P. 296—301.
- Demidenko Yu.E.* The Early and Mid Upper Palaeolithic of the North Black sea region: an overview // Quartaer. — 2008. — Vol. 55. — P. 91—106.
- Demidenko Yu.E.* East European Aurignacian and its Early / Archaic industry of Krems-Dufour type in Great North Black sea region // Praehistoria. — 2008—2009. — Vol. 9. — P. 107—140.
- Demidenko Yu.E.* The classification and attribute analysis system applied to the Siuren I lithic assemblages // Siuren I rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic till Epi-Paleolithic in Crimea. — Liege, 2012. — P. 91—107 (ERAUL. — Vol. 129).
- Demidenko Yu.E., Noiret P.* The Siuren I Aurignacian of Krems-Dufour type industries in the context of the European Aurignacian // Siuren I rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic till Epi-Paleolithic in Crimea. — Liege, 2012. — P. 343—357 (ERAUL. — Vol. 129).
- Demidenko Yu.E., Škrdla P., Rios-Garaizar J.* A peculiar LGM Late UP industry in Central and Eastern Europe: background & new data // Hugo Obermaier Gesellschaft für Erforschung des Eiszeitalters und der Steinzeit e. V: 58th annual meeting (Budapest, March 29th — April 2nd 2016). — Erlangen, 2016. — P. 25—26.
- Kroeber A.L.* Stimulus diffusion // American Anthropologist. — 1940. — N.S: 42 (1). — P. 1—20.
- Krukowski S.* Paleolit // Prehistoria Ziemi Polskich. — Kraków, 1939—1948. — S. 65—71, tabl. 16—17.
- Moreau L.* Breitenbach-Schneidemühle, Germany: a major Aurignacian open air settlement in Central Europe // Eurasian Prehistory. — 2012. — Vol. 9, 1—2. — P. 47—71.
- Nigst P.R.* The Early Upper Palaeolithic of the Middle Danube Region. — Leiden, 2012. — 379 p.
- Ott I.* Die Artefakte der jungpaläolithischen Fundstelle von Rosenberg am Kamp, Niederösterreich // Archaeologia Austriaca. — 1996. — B. 80. — P. 43—114.
- Richter J.* Jungpaläolithische Funde aus Breitenbach / Kr. Zeitz im Germanischen Nationalmuseum Nürnberg // Quartaer. — 1987. — Vol. 37—38. — S. 63—96.
- Sachse-Kozłowska E.* Polish Aurignacian assemblages. — Kraków, 1978. — 37 s. (Folia Quaternaria. — Vol. 50).
- Steguweit L.* Retuschierte Lamellen im Inventar der Aurignacien-Station Alberndorf (Niederösterreich) // AAC. — 2007—2008. — T. 42—43. — S. 7—25.
- Steguweit L.* New insights into the inventory of Alberndorf (Lower Austria) and some remarks on the «Epi-Aurignacian» controversy // Mitteilungen der Kommission für Quartärforschung der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. — 2010. — B. 72. — P. 221—229.
- Svoboda J.A.* Stránská skála. Výsledky výzkumu v letech 1985—87 // Památky Archeologické. — 1991. — T. 82. — P. 5—47.
- Svoboda J.A.* Palaeolithic landscapes of Moravia: a mosaic of occupation strategies // Geolines. — 1995. — T. 2. — P. 7—9.
- Svoboda J.A.* Bohunician and Aurignacian typology at Stránská Skála // Stránská Skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic. — Cambridge, 2003. — P. 153—165 (American School of Prehistoric Research — Bull. 47).
- Škrdla P., Tostevin G., Matejec P. et al.* Brno (k. ú. Líšeň, okr. Brno-Město). «Hrubé podsedky» a «Nad Výhonem». Bohunicien a aurignacien. Sídliště. Zjišťovací a záchranný výzkum // Přehled výzkumů. — 2010. — N 51. — P. 269—274.
- Škrdla P., Matějčec P., Tostevin G. et al.* Brno (k. ú. Líšeň, okr. Brno-Město). «Hrubé podsedky» a «Nad Výhonem». Bohunicien a aurignacien. Sídliště. Zjišťovací a záchranný výzkum // Přehled výzkumů. — 2011. — N 52. — P. 140—143.
- Škrdla P., Rychtaříková T., Eigner J. et al.* Mohelno-Plevovce: lokalita osídlená v průběhu glaciálního maxima a pozdního graciálu // Archeologické rozhledy. — 2014. — T. 66. — P. 243—270.
- Škrdla P., Nejman L., Bartík J. et al.* Mohelno — a terminal LGM industry with microlithic tools made on carenoidal blanks // Quaternary International. — 2016. — Vol. 406, part A. — P. 184—194.
- Tostevin G.B.* Behavioral Change and Regional Variation across the Middle to Upper Paleolithic Transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph. D. Thesis — Cambridge, 2000. — 492 p.
- Tostevin G.B.* Seeing lithics. A middle-range theory for testing for cultural transmission in the Pleistocene. — Cambridge, 2012. — 572 p. (American School of Prehistoric research Monograph Series).
- Trnka G.* Die jungpaläolithischen Stationen von Alberndorf im Pulkautal im nördlichen Niederösterreich (Weinviertel) // Mitteilungen der Kommission für Quartärforschung der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. — 2005. — B. 14. — S. 195—212.
- Zwyns N., Demidenko Yu.E.* The Kostenki variant of Evolved Aurignacian in Europe: a laminar study approach. In Preparation.

Ю.Е. Демиденко, П. Шкрдла,
Ж. Ріос-Гараїзар

Yu.E. Demidenko, P. Škrdla,
J. Rios-Garaizar

ЕПІ-ОРИНЬЯК З САГАЙДАЦЬКО-МУРАЛІВСЬКИМИ МІКРОЛІТАМИ НА ПІВДНІ СХІДНОЇ ЄВРОПИ ТА ЙОГО ЄВРОПЕЙСЬКІ ПЕРСПЕКТИВИ

EPI-AURIGNACIAN WITH SAGAIDAK-MURALOVKA-TYPE MICROLITHS IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE AND ITS EUROPEAN PERSPECTIVES

Нині комплекси знахідок пізнього верхнього палеоліту часу максимуму похолодання останнього зледеніння з дев'яти стоянок у Східній Європі (Муралівка, Золотовка I, Михайлівська Балка, Сагайдак I, Анетівка I, Рашков VII—VIII) та в Центральній Європі (Могельно-Плевовце, Розенбург) представляють одну й ту ж індустрію епі-ориньяку з сагайдацько-муралівськими мікролітами приблизно 21—19 тис. некаліброваних або 25,5—23 тис. каліброваних років тому. Раніше запропоновані «генетичні корені» розвиненого ориньяку для цієї епі-ориньякської індустрії нині відхилені через надто довгий хронологічний проміжок часу між цими індустріями приблизно в 7—9 тис. років. Водночас ретельніший аналіз комплексів знахідок розвиненого ориньяку Центральної і Східної Європи уможливив виділити новий тип серед них. Залучення даних по колишньому ориньяку V / термінальному гравету / прото-солютре Західної Європи (приблизно 22—21 тис. некаліброваних років тому) дозволяє включити індустрію епі-ориньяку з сагайдацько-муралівськими мікролітами Східної та Центральної Європи в пан-європейський аналіз з багатьма можливостями вирішення питань її походження та «історичної долі».

Ключові слова: пізній верхній палеоліт, епі-ориньяк з сагайдацько-муралівськими мікролітами, час максимуму похолодання останнього зледеніння.

Now LGM Late UP assemblages from 9 sites in Eastern Europe (Muralovka, Zolotovka I, Mikhailovskaya Balka, Sagaidak I, Anetovka I, Rashkov VII—VIII) and Central Europe (Mohelno-Plevovce, Rosenberg) do compose one and the same Epi-Aurignacian industry with Sagaidak-Muralovka-type microliths dated to ca. 21000—19000 uncalibrated or ca. 25500—23000 calibrated years ago. Previously suggested Evolved Aurignacian «generic roots» for the Epi-Aurignacian industry is rejected now due to too long chronological gap in between the two industries in ca. 7000—9000 years. At the same time, a closer look at an Evolved Aurignacian record in Central and Eastern Europe does allow us to define a new type for it now. Additionally, involvement of the former Aurignacian V / Terminal Gravettian / Proto-Solutrean data in Western Europe (ca. 22000—21000 uncalibrated years ago) really puts the Eastern and Central European Epi-Aurignacian industry with Sagaidak-Muralovka-type microliths into its Pan-European analysis with a number of possibilities to discuss its origin and then «historical fates».

Keywords: Late Upper Paleolithic, Epi-Aurignacian with Sagaidak-Muralovka microliths, Last Glacial Maximum time period.

Одержано 11.11.2016